

ГЛАВА 1

ДАР ЦЕЛИТЕЛЬСТВА

Астрахань. Россия

Нина завязала сиреневые волосы в тугий хвост на макушке и критично осмотрела фронт работы: желтый цвет лица клиентки перекроет специальная тональная основа, темные гематомы на виске и щеке — зеленый корректор, а отек в районе губы — яркая помада; в целом лицо женщины почти не пострадало.

Она поцокала языком и, открыв черный чемоданчик с принадлежностями, достала тональную основу и палетку с корректорами. Со щелчком натянув черные латексные перчатки, Нина прищурилась. Как будто специально, в морге всегда было плохое, угнетающее освещение — она достала дополнительную раскладную лампу и включила ее. Клиентка уже была одета в красивое платье персикового цвета и лежала в белоснежном лакированном гробу с бархатной подкладкой — самая дорогая модель в продаже.

Танатокосметолог — так называлась профессия Нины. Удручающе, правда? Но Нина так не думала. Она предпочитала называть себя «посмертный визажист» или «визажист последнего пути». Если свадеб у человека могло быть много, то смерть всего одна. Конечно же, виновник этого мероприятия должен выглядеть на все сто.

Закончив с нанесением тона на лицо мертвой тридцатилетней женщины — теперь кожа приобрела живой розоватый оттенок, — Нина подтянула лампу ближе и рассмотрелась в лицо трупа.

Это был уже седьмой клиент на сегодняшний день, но не восхититься красотой женщины было невозможно: длинные пушистые черные ресницы отбрасывали густые тени

на щеки. Фарфоровая кожа без единой морщинки и родинки, пухлые губы, округлые, словно детские, черты лица...

— Ваши родители, Уркия, попали в точку с именем. Оно же означает «очень привлекательная», — улыбнулась Нина. — Думаю, подчеркну вашу молодость легким макияжем глаз. Как вам?

Женщина молчала. Трупы вообще были терпеливыми и благодарными клиентами.

Нина задумчиво начала напевать мелодию песни Гео Пика и Кравца «Где прошла ты».

Мелодия распространялась по хмурому залу, отражаясь от стен, как в оперном театре. Казалось, даже трупы в морозильниках прислушивались к ее голосу.

Набрав на пушистую кисть пудру, подпевая и постукивая носком кроссовки, Нина провела кистью по одеревенелой холодной коже. Она никогда не экономила на своих клиентах, использовала специализированную дорогую косметику от Dodge и ЕЕР. Танатокосметика отличалась от обычной плотностью и обладала консервирующими и дезинфицирующими свойствами.

Конечно, иногда приходилось восстанавливать лицо клиентов, формируя недостающие части из специальной пасты. Но Уркия в этом не нуждалась.

Прокрасив веки и нарисовав стрелки, Нина вскинула руки:

— Так, не двигайтесь, а то размажете тушь.

Не сказать, что она ожидала, что труп ей ответит, но говорить с мертвыми как с живыми было легко. Нина сама удивлялась: это профессиональная деформация? Возможно. Вообще похоронная индустрия — специфическая сфера, часто обычные люди не понимали шуток Нины и считали ее откровенно странной, хотя... Нормальный человек и правда не пошел бы работать в морг.

Пару месяцев назад знакомая попросила нанести ей макияж, ведь Нина была дипломированным визажистом.

Так Нина, пока красила ее, забыла, что наносит макияж живому человеку, и чуть сама не отправилась к праотцам, когда знакомая вдруг открыла глаза и заговорила с ней.

Достав пачку сигарет, она прикурила и зажала сигарету зубами.

— Вы же не против? — процедила она. — Знаю, вредная привычка, но ничего не могу с собой поделать. Курю с пятнадцати лет. Уже три раза пыталась бросить, да все никак.

Взяв плойку, она подключила ее и, пока стайлер грелся, отработанным движением нанесла румяна, провела по контуру губ карандашом.

Закрутив белокурые волосы, Нина уложила их, и женщина стала выглядеть настоящей Спящей красавицей. Кажалось, поцелуй ее, и длинные ресницы задрожат, а раскосые глаза распахнутся в изумлении...

Но она была мертва.

С этим ничего нельзя было сделать.

Нине нравилась ее работа, но пугала мысль, что она всю жизнь проведет так. Она словно играла роль в пьесе одного актера: дерзкая, пугающая, недоступная, безбашенная, хотя на самом деле больше всего ей хотелось любви и понимания. Но она была обречена на одиночество из-за своей тайны.

Нина открыла окно и, просунув в щель руку, потушила сигарету о подоконник и выбросила окурочек. Порывшись в сумке, она достала только купленную палетку помад от Dodge. Она еще ни разу не использовала ее и горела желанием опробовать на клиенте. Выбрав персиковый цвет, она нанесла кистью помаду на пухлые губы мертвой и восхищенно присвистнула:

— Ох. Вот это да! Вам так идет. Может, и мне пойдет?

Нина набрала помаду на чистую кисть и нанесла этот же цвет себе на губы. Критично осмотрев отражение в зеркале, она улыбнулась: персиковый оттенок даже трупа освежил, не то что ее.

— То что надо.

Дверь протяжно, вымученно, словно стон из морозильника, заскрипела.

— Я почти закончила! — крикнула Нина, спрыгивая с высокого стула и снимая перчатки.

— Аня приготовила овсяное печенье, просила обязательно угостить тебя... Ты что, здесь курила? — воскликнул бальзамировщик-танатопрактик, ставя на комод у двери тарелку.

По залу сразу же распространился аппетитный аромат ванили и овсянки.

— Курила? Нет, конечно, — округлила глаза Нина и широко улыбнулась. — Я просто зажгла свечу за упокоение ее души. Ты же всегда так делаешь. Ох, она потухла... Надо же...

Нина откровенно врала, но поспешила к дальней стене, на которой висела икона берегини Феодосии. Достав зажигалку, она подожгла фитиль толстой свечи. Огонь вспыхнул, освещая лицо святой. Берегиня смотрела на нее с холста своими пугающими глазами — радужки ее глаз были белыми, а осуждающий взгляд придавливал к земле. Берегини рождались с красными радужками, но через несколько месяцев после рождения цвет радужек мерк и они становились белыми.

Феодосия всегда изображалась красивой женщиной, голову которой украшал кокошник; с него на лицо ниспадали нити бус. Она была самой почитаемой из всех святых.

Берегиня Феодосия умерла семьсот лет назад, но казалось, она следила за Ниной своим обвиняющим взглядом.

Святые, праведные, милосердные, идеальные представители людей — вот кто такие берегини.

Они могли исцелять людей, но святыми их считали по другой причине: с каждым исцеленным человеком они теряли дни своей собственной жизни, однако вопреки

этому продолжали исцелять нуждающихся; нет ни одной берегини, которая прожила бы дольше двадцати двух лет.

Нина фыркнула.

Она ненавидела иконы, церковь, святых и все, что было с ними связано. Нина поджала губы и хмуро встретила взгляд святой: «Я ничего никому не должна. Нечего на меня так смотреть!» Она резко отвернулась — высокий хвост пролетел в опасной близости от огня — и вернулась к вещам.

— Ого! — присвистнул танатопрактик, взглядевшись в лицо трупа. — Она же просто как живая. Ты превзошла саму себя.

Нина невольно улыбнулась: оценить по достоинству ее искусство могли немногие. Бальзамировщик-танатопрактик выполнял всю грязную работу, а Нине оставалось только намарафетить клиента перед отпеванием.

Она ухмыльнулась, собирая чемодан и лампу, схватила с тарелки печенье и надкусила его.

— Восхитительно, — пробормотала она с набитым ртом.

— Вы сегодня выступаете в «Рубиновом дожде»? Жаль, я на дежурстве... Наши говорят, вы нашли барабанщика, — вздохнул он и добавил: — Кстати, с днем рождения тебя!

— Спасибо, — улыбнулась Нина, проглатывая остатки печенья. — Не переживай, придешь на следующей неделе послушать... Ой! Чуть не забыла, — встрепенулась она и, достав телефон, сфотографировала клиентку. — Для портфолио.

Несколько минут спустя, доедая печенье, Нина согнала с десятков обнаглевших котов, которые оккупировали ее серебристую «Ладу». Сев в автомобиль, она закинула чемодан на заднее сиденье и завела мотор.

Нина посмотрела на себя в зеркало заднего вида. Кончиком ногтя она подправила персиковую помаду в угол-

ке губ, распустила сиреневые волосы и бросила взгляд на приборную панель: выскочила ошибка.

— Ну нет, — застонала она. — Что на этот раз? Мне еще три года платить кредит за тебя, а ты уже вся разваливаешься.

Нина разочарованно заглушила автомобиль и вновь завела в надежде, что ошибка потухнет, но нет.

До аванса еще неделя, а денег уже почти не было: кредит за машину, бензин, арендная плата за квартиру, продукты... Похоже, неделю ей придется питаться одними макаронами. М-да, взрослая жизнь оказалась сложнее, чем она думала.

— Эх, прав был Мурат Басарович: надо было еще подкоптить и не связываться в кредит. Или же принять его предложение и взять у него в долг. Но я же гордая.

Нина достала телефон, проверить, сколько средств осталось на счету, но на экране высветилось три пропущенных звонка.

— Черт, опаздываю.

Она написала короткое: «Еду» — и, сняв машину с паркинга, нажала на газ. Стрелка спидометра взметнулась.

Проехав по улице Бэра, она проскочила на красный и, свернув несколько раз, выехала к Таможенному мосту. Через несколько минут машина остановилась у входа в бар «Рубиновый дождь».

Достав из-под пассажирского сиденья корсаж и туфли на высоких каблуках, Нина стянула джемпер и сняла лиф, чем испугала проходящего мимо мужчину. Она показала ему средний палец через стекло, чтобы он не заглядывал в салоны чужих машин, и продолжила переодевание. Ловким движением она застегнула корсаж и затянула шнуровку спереди — соблазнительная грудь выпятилась, приподнялась. Нина переобулась, став сразу на десять сантиметров выше, и выскочила из машины. Проскочив сквозь очередь из желающих попасть в бар, она махнула секьюрити и юркнула в черный ход.

— Нина! — осуждающе крикнул Азамат.

У него была яркая казахская внешность: раскосые карие глаза, оливковая кожа, черные волосы. Но сегодня он выглядел по-особому: ярко-зеленый ирокез на голове делал его похожим на бешеного попугая; звезда вокруг одного глаза и огромные цепи на джемпере в сеточку подчеркивали фриковский образ. Зрелище было не для слабонервных.

Азамата Нина считала братом, хотя у них не было кровной связи.

Нина протиснулась к названному брату и ввалилась в гримерку.

— Простите, сегодня было много клиентов... Забыла о времени, — улыбнулась она всем членам группы.

В углу спал лысый широкоплечий клавишник и по совместительству лидер группы — в жизни владелец похоронного бизнеса Мурат Басарович, отец Азамата.

Нина была обязана ему всем. Его грозный бывалый вид в купе с огромным уродливым шрамом на правой щеке создавал впечатление, будто он отмотал двадцатилетний срок в тюрьме. А на самом деле Мурат Басарович был известным в городе волонтером. Часто именно он организовывал мероприятия по поиску пропавших, высадке деревьев, уборке улиц, помощи старикам и инвалидам. Кроме этого, он постоянно жертвовал деньги местным приютам и организациям. Но он никогда не принуждал ни Нину, ни Азамата поступать так же и говорил, что заниматься волонтерством можно только по зову души. Это было его хобби.

Хобби — помогать людям. С ума сойти.

Он был добрейшим человеком, которого знала Нина.

Азамат подошел к зеркалу и, достав расческу из заднего кармана, подправил свой ирокез.

Басист Никита в кислотно-зеленом комбинезоне подпирал стену. В жизни он работал менеджером по продажам венков и гробов.

В дверь ввалилась Аня, жена Мурата Басаровича. Она была похожа на царевну из русских сказок: светлая коса до самых ягодичек, розовые яблочки щек, голубые глаза светились лукавством. На торте, который она держала, подпирая беременным животом, горели двадцать свечей.

Найдя Нину глазами, она заорала:

— С днем рождения!

Аня и Мурат Басарович взяли Нину под опеку, когда ей было пятнадцать лет. Нина была колючим подростком, совершенно чужим для их семьи, но доброта Ани вернула ее к жизни после предательства отца. Хотя они называли друг друга подругами, Аня стала для нее мамой, которой у нее никогда не было.

Это была семья Нины, не по крови, нет, а по душе: Аня, Мурат Басарович, Азамат и малышка, которая должна была вот-вот появиться на свет. Как планеты вокруг солнца, семья крутилась вокруг Ани. Все держалось на ней. И хоть Мурат Басарович выглядел грозным мужланом, но рядом с тонкой, нежной женой он превращался в податливую глину.

Именно Аня настояла на том, чтобы все помогли Азамату в его новом увлечении.

После завершения не очень успешной спортивной карьеры ему нужна была новая цель в жизни, и этой целью стала музыка.

Сначала все относились скептически к его идее создать группу. Все казалось несерьезным, но шло время, и они не заметили, как втянулись в новое амплу: панк-музыканты.

Все члены группы работали в похоронной индустрии, но стоило им взять в руки музыкальные инструменты, как они превращались в панк-группу «Гробовщики». Название появилось как-то само собой. Но именно здесь они становились настоящими — разновозрастными чудиками.

Но в этот раз на диване сидел новичок.

— С днем рождения тебя! С днем рождения тебя! — завывали все. — С днем рождения, дорогая Нина, с днем рождения тебя!

А Нина все косилась на новичка.

— Загадывай желание и задувай свечи! — напомнила Аня.

Нина прикрыла глаза и подумала: «Я хочу такую же крепкую и счастливую семью, как у Мурата Басаровича». Она задула свечи на торте и, окунув палец в фирменный сметанный крем Ани, засунула его в рот.

— Вкуснотища!

Азамат протянул руку, намереваясь последовать примеру сестры, но Аня проворно убрала торт.

— Ну, мама!

Мурат Басарович обнял жену и погладил ее по животу.

— Торт только после выступления. Я побежала занимать места в зале! — Аня поцеловала Мурата Басаровича в щеку и, махнув Нине, упорхнула из гримерки.

Нина искоса глянула на незнакомца на диване. На вид ему было около двадцати семи лет. Красивый — не то слово: волосы горели лимонным золотом, глаза цвета кислого яблока округлились. Он скромно, даже смущенно привстал и протянул руку.

Зеленый цвет глаз у мужчин сводил Нину с ума. Это было семидесятипроцентное попадание в ее типаж.

Новичок выглядел «ультранормальным» и выбивался из их компании, как профессорский сынок среди фриков.

— Игорь, — представился он.

— Если бы не опоздала, то успела бы на репетицию. А теперь придется привыкать друг к другу прямо на выступлении, — подал голос Мурат Басарович.

— Нина, — пожала руку она и очаровательно улыбнулась. Тряхнув волосами, она упала на диван рядом с Игорем. — Ты будешь выступать прямо в этом? — Пальчик с алым ногтем указал на его строгий костюм.

— Э-э-э... Да...

— Дай угадаю, ты работаешь риелтором или... бухгалтером?

— Я преподаватель в университете.

— Что? — изумилась Нина и улыбнулась шире.

Она восхищалась умными мужчинами. Так сложилось, что она окончила только школу, поэтому с благоговением смотрела на образованных людей. В ее глазах рейтинг идеальности Игоря вырос до девяноста процентов из ста.

Нина видела, как его взгляд то и дело спускался к ложбинке между ее грудями. И как только он падал туда, Игорь краснел, вскидывал глаза и краснел еще сильнее. Нине это показалось очаровательным.

— Ты женат? У тебя есть девушка? — Ее прямолинейность была подобна кувалде.

Игорь разом побледнел, покраснел, потом опять побледнел — хамелеон бы позавидовал.

— Нет. — Он опустил взгляд на руки.

Ее улыбка стала хищной. Игорь оказался ее стопроцентным идеалом: скромный, умный, с хорошим вкусом в музыке, красивый.

«Ох, я пропала!»

— А кем работаешь ты? — вновь поднял на нее глаза Игорь.

Улыбка Нины застыла. Этот вопрос... Честный ответ на него всегда убивал непринужденную атмосферу, словно она вытаскивала из сумки мертвеца. Но ей так хотелось понравиться Игорю, поэтому она решила недоговорить:

— Я визажист.

Азамат прыснул в кулак, но промолчал. Нина недовольно покосилась на него.

— В самом деле?

— Да. Она лучшая в своем деле, — вмешался Азамат, не сдержав в конце смешок.